

**БЫТЬ ИЛИ
МОЖЕТ БЫТЬ?**

РЕФЛЕКСИЯ “НЕ-МЕСТА” В ТОПОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

© 2018

DOI: 10.31857/S023620070000731-1

А.В. Шляков

**Шляков
Алексей
Владимирович** —

кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук и технологий Тюменского индустриального университета.

В журнале “Человек” опубликовал статью “Номадизм и агротизм. К постановке проблемы” (2016. № 1). Электронная почта: schafferhund@rambler.ru

Фундаментальные изменения, которые происходят при переходе от парадигмы модерна к постмодерну, затрагивают различные области социального существования. Не осталась без изменений и пространственная картина города, которая сегодня может быть охарактеризована через понятие “ризомы”. Ризома — это аструктурное, ацентрированное пространство разновекторных потоков. Лабиринты дорог и транспортных развязок, телерадиокоммуникации и беспроводные сети опутывают топос постсовременного города. На наш взгляд, особый интерес в социальном пространстве вызывают нелокализованные точки, которые оказались лишены означивания и стали именоваться “не-место”. Термин “не-место” использовали в своих трудах М. Де Серто, М. Оже, З. Бауман.

Понятие “не-место” можно встретить в феминистских текстах Р. Брайдотти и Ш. Бенхабиб. Ш. Бенхабиб определяет последнее как положение изгнанника, не признающего ценности, имманентные социуму, и находящегося за стенами города [14]. Без веры в это “не-место” пространства никакая социально-политическая критика не способна стать легитимной. Р. Брайдотти тоже выделяет в феномене “не-место” политический аспект, считая, что это путь, совмещающий разные направления, это “политическая надежда на существование точки выхода из фалло-логоцентризма” [2, с. 156].

“Не-места” в социальном пространстве лишены своей истории. К ним можно отнести вокзалы, станции метро, остановки общественного транспорта, нахождение в автомобильной пробке, гостиничные номера. По мнению З. Баумана, “не-места”, несмотря на некоторое сходство видимых характеристик с социально значимыми объектами, исключают возможность стать колонизируемыми. Эти “не-места” не табуированы к посещению, но и не предназначены для обживания, они созданы для преодоле-

ния их за минимальный промежуток времени [1]. Такое быстрое скольжение по “не-месту” делает присутствие “чужих” незначительным, ибо индивидуальности каждого скользящего упразднены, сведены к минимуму. Таким образом, в “не-месте” присутствие чужого мало чем отличается от его отсутствия, к тому же “не-место” требует от субъектов соблюдения определенных способов поведения, предполагающих отказ от идентичности и замены последней на этикетный ритуал. Такие “не-места” сегодня пытаются колонизовать все большее социальное пространство, превращая скольжение по ним в естественный образ жизни человека постмодерна (номада).

На наш взгляд, описание генезиса “не-места” можно обнаружить в номадологическом проекте Ж. Делёза, Ф. Гваттари. В “Трактате о номадологии” они описывают два вида пространства: рифленое пространство — место укоренения и проживания оседлых граждан и гладкое пространство — пространство скольжения номада (кочевника). Однако Ж. Делёз и Ф. Гваттари упоминают и о третьем пространстве — “дырчатом”, которое представляет собой место зарождения промежуточного поля между кочевниками (номадами) и оседлыми, в качестве которого выступает кузница (металлург) [5, с. 700]. Кузнец востребован оседлыми и номадами и не является при этом ни скотоводом, ни земледельцем, формируя вокруг себя пустое, “дырчатое” пространство, “не-место” — кузницу. Кузница всегда возникала вне мест поселения (за границей рифленого пространства), но и вне степи (не рассеивалась в гладком пространстве). Это было обусловлено требованиями безопасности, кузница могла стать источником пожара. Эта “дыра” и есть первичное “не-место” — точка захвата и удержания, и точка обретения подвижности. Это “не-место”, по словам Ж. Делёза, представляет собой “машинный филум и материю-поток” [там же, с. 703].

“Не-место” кузницы это аффективный знак, который временно пересекает и пространство линий и углов оседлых, и гладкое номадическое пространство. Это “дырчатое пространство” выступает временным приютом для уклоняющихся от Дома и избегающих Пути, то есть для находящихся в становлении номадов и агротов (оседлых). Подобное “не-место” — пункт встреч тех, кто прибыл из путешествия, и тех, кто вышел из Дома. Благодаря “дырчатому” пространству возможно коммуницирование оседлых и кочевых субъектов.

“Не-место” может быть архитектурно оформлено, иметь фундамент и крышу, но это не место обитания, а временное пристанище. Проходя через “не-место”, субъекты оставляют пустоты, разнонаправленные каналы, искусственные опоры. Для создания “не-места” необходимо бурить скалы, а не взбираться по ним, рыть землю, а не расчерчивать ее, дырять пространство. “Дыра” становится метафорой для описания “не-места”, она формирует поверхности, доступные и для расчерчивания (оседание), и для распределения по ним (кочевание). Пространство

БЫТЬ ИЛИ МОЖЕТ БЫТЬ?

нуждается в “дырявости”, чтобы быть пронзенным, реализуя акт субъективации. “Не-место” — это дыра, формирующая и перенаправляющая потоки. Такие “не-места” — дыры присутствуют и на человеческом теле в восприятии другого: глаза, рот, гениталии. “Чем больше окаймлена дыра, — пишет Ж. Делёз, — тем больше эффект окаймления должен наращивать поверхность, по которому она скользит, и наделять эту поверхность силой захвата” [там же, с. 301].

Дыра — это не отсутствие частиц. Это поле обретения частицами скорости света. Дыра — “не-место” лишь формирует, распределяет потоки. Обращение к методу психоанализа позволит произвести символизацию дыры. Можно войти в “не-место” через дыру и, передумав, вернуться, сопротивляясь встречным потокам (родиться обратно). Можно войти и выйти, подчинившись потокам (родиться). Можно войти и, перескакивая с потока на поток, выйти в новом месте (переродиться). Можно менять входы и выходы, направления потоков, нельзя только остаться в “не-месте”, потому что в нем нет локуса для остановки.

Дыра это всегда Другой: своя дырявость непостижима в чувственном восприятии — глаза, рот, интимные места скрыты от собственного видения. Своя дыра может быть видна только через отражение, но в отражении всегда Другой. Если же дыра видна на себе, то это — рана, означающая разворачивающееся поле смерти. Сама дыра как отрицание поверхности не обладает способностью отражать, она поглощает, она притягивает. Если своя дыра — это приближение смерти, то дыра Другого притягательна потому, что читается как смерть Другого и переживается как дополнительной шанс к утверждению собственного бытия. При столкновении с дырой субъект чувствует импульс возникновения второй номадической скорости, отрыв от привязанностей (пока еще обратимый).

Славой Жижек пишет о том, что структура сексуальности изначально содержит в себе дыру, пустое место, заполняемое взглядом зрителя [8, с. 294]. В порнографических сценах, когда некто, демонстрируя свои гениталии, еще и смотрит в объектив, мы сталкиваемся с “расколом между глазами и взглядом” (Ж. Лакан). Дыра, бездна гениталий осуществляет деструктивный взгляд, отвечая на наш взгляд. Мы находим взгляд не там, где должно, а в дыре, травмирующем объекте, который притягивает наш взор. Дыра и притягивает наш взгляд, и сама является взглядом на нас из бездны, таким образом, сталкивая два потока движения. Для порнографии характерно присутствие не только Другого, но и Третьего. Этот Третий — глаза модели, говорящие “я наблюдаю, как ты наблюдаешь за моим взглядом” [там же].

В премодерне дыра, как правило, женский символ, это лонно Матери Земли, в манифестационном политеизме это врата к Мифу. “Дыра связывает пространство на поверхности с подземными пространствами плодородия и смерти. Это переход-

ный локус, через который души умерших возвращаются в лоно земли, оттуда они выходят, чтобы возродиться” [9, с. 239]. Вокруг дыры (mundus) возникает Рим, поверх дыры проявляется человек. В период монотеизма дыра — символ преисподней, ада, бездны, имеющий женскую природу. И даже дыры, необходимые в одежде (рукава, горловины, низ одежды) были под контролем магических символов, которыми окаймлялись края дыры. Вышивка носила обережный характер, закрывая дыры для утекания богатства, красоты, здоровья. В античной культуре одежда вообще не предусматривала присутствие дыр и представляла собой цельный тканевый отрез, который по-разному складывался, в зависимости от статуса человека, но не допускал никаких прорезей, дыр. К такой цельнотканевой одежде относились экзомис, экзомида, пеплос, хитон, гиматий, хламида. Премодерн табуировал inferнальную сущность дыры.

В модерне дыра недопустима и социально табуирована, она подлежит устранению, заполнению, сокрытию. Это потребность, на наш взгляд, хорошо проиллюстрирована в известном анимационном фильме советского периода “Каникулы в Простоквашино”, когда мама главного героя, дяди Федора, отвечает на вопрос о пользе картины, висящей на стене: “От этой картины на стене очень большая польза. Она дырку на обоях загораживает”. Социальная, телесная, ментальная дырявость скрываются. В дыре еще содержится генитальный контекст женского начала, но он утрачивает сакральный смысл и наполняется социальным содержанием. Дыра в кармане — это убыток, нищета, социальная неустроенность. Дыра в одежде — упадок социальности. Дыра в эфире СМИ — траур и скорбь по уходу правящей элиты. Дыры в модерне скрываются заплатами, штопаются, утаиваются. Дыра на одежде мужчины в модерне символизирует в нем утрату мужскости: либо у него нет жены, которая заштопала бы дырки, и значит, в нем какая-то мужская патология (может быть, гомосексуальная), или же у него нерадивая жена, а его мужскости недостаточно, чтобы потребовать от нее исполнения социальных функций по устранению прорех. Дыра в одежде женщины символизирует ее публичность, доступность, падшее положение. Дыра преувеличивает феминность женщины, концентрируя внимание не на социально-телесных особенностях, а на символическом начале, которое доступно и открыто для всех демонстрируется, рекламируется.

В конце модерна в 1976 году после концерта американской группы “Ramones” дыра на джинсах входит в массовую моду, символизируя плевок на общественное мнение, до этого периода дырявая одежда была проявлением бунтарского духа маргинальных субкультур, но именно после “Ramones” дырявость становится мейнстримом благодаря Дольче и Габбана. К началу постмодерна дыры зияют не только на джинсах, но и на майках, футболках, пиджаках... Дыра утрачивает свои однозначно

БЫТЬ ИЛИ МОЖЕТ БЫТЬ?

генитальные признаки, приобретая полиморфный внеполовой статус.

В постмодерне дыра — это канал распределения потоков, который не предусматривает остановок, а значит, делает невозможным зачатие, оплодотворение и, тем самым, упраздняет женское в сущности дыры. Дыра — это и женщина, и иной мужчина, и ребенок, и зверь, не только вагина, но и анус, и рот, лишенные половой идентификации, препятствующие любым остановкам каналы становления. “Есть лишь желания, машины желания, производящие потоки. Желание осуществляет стыковку непрерывных потоков. Желание заставляет течь, течет само” [5. с. 18]. Любви не нужен ребенок, только желание, только поток, “вход-выход”. Труд не нужен товар, только процесс, “вход-выход”. Общению не нужны слова, эти препятствия, о которые спотыкается поток, только визги, крики, вздохи и неартикулированные единицы. Тождество личности, погруженной в “не-место”, по существу мимолетно и проходит множество серий индивидуальностей. Субъект ставится на периферию окружности, из центра которой ушло его Я. Центр занимает машина желаний, машина вечного круговорота потоков. “Не-место”, дыра — это присутствие отсутствия, через которое машина желаний выталкивает тело без органов на поверхность. В “не-месте” существует машина желаний, на поверхности она обретает тело без органов.

Ж. Делёз и Ф. Гваттари рассматривают постчеловека — номада как процесс перехода между двумя интенсивностями: тело без органов и машина желания. Достичь интенсивности желаемой машины возможно лишь при условии преодоления порога рассеивания, за которым утрачивается и воображаемое тождество, и структурное единство [там же, с. 508]. Это рассеивание подразумевает постоянное отсылание к объектам иного, чем желаемая машина, генезиса, оно реализуется через детерриторизацию. Погружаясь в дыру, субъект преодолевает ее как тело без органов, способное осуществлять взлеты и падения, миграции, смещения. В стадии “тело без органов” реализуется “трансцендентальный опыт потери Эго” [там же, с. 137]. Первичные составляющие тела без органов: расы, культура и боги, производящие индивидуализацию и сексуализацию, — становятся при попадании в “не-место” полями преодоления миграции, скачками между разными культурными, расовыми, половыми идентичностями.

Постмодернистский дискурс акцентирует внимание на семантическом поле существования, в котором Ж. Делёз выделяет две значимые линии: линия означивания (наименования) и линия субъективации (утверждения, обнаружения самости). Для осуществления означивания необходима плоскость, выталкивающая, обнажающая объект, инородный по отношению к плоскости. Для субъективации необходимо место, а в “не-месте” происходит десубъективация, распад субъекта. Сегодня присут-

ствие человека осуществляется в системе «плоскость — “не-место”», “стена-дыра”. В акте означивания, помимо фонемы, именно лицо, играя своими чертами, индексирует язык говорения.

В “не-месте”, дыре (рот) происходит формирование потока для конструирования самости, для произведения фрагментарной субъективации, лицевость (плоскость) наполняет их смыслом означивания, который может быть декодирован, прочтен, сторонним наблюдателем. Дыра не может быть именована, означена, она может лишь быть обнаружена в экзистенции присутствия, в акте погружения в поток. Дыра, “не-место” — это то, что не подлежит именованию, означиванию, но создает поток экзистенциальной десубъективации. В социальном пространстве “не-место” рассматривается как пункт, в котором индивид остается одиноким, то есть создаются условия (одиночество) для множественного выбора становлений “Я”, конструирование временной самости.

Для описания “места” французский антрополог, этнограф М. Оже использует следующие характеристики: идентифицирующая, связующая, историческая [10, с. 100]. Следовательно, “не-место” может быть описано как *десубъективирующее* (не означающее, как “место”, а предлагающее свободный выбор множества игровых идентичностей), *рассеивающее* (поток “не-места” производит детерриторизацию, лишая пространство структурности и погружая его в ризомность сети, позволяя формировать гибридные сборки), и, наконец, “не-место” создает условие для нелинейного прочтения времени, в котором есть только цикличное настоящее (Хронос). “Не-место” *неисторично*, так как в нем не живут, а его пересекают, и не ожидают встретить знакомые предметы, сталкиваясь с неповторимостями, сингулярностями. Взаимодействие поверхности и “не-места” создает резонанс, в котором отсекаются чувственные ментальные реальности и выделяются господствующие. Являясь само по себе анонимным, “не-место” может нести на себе отпечаток государственной власти, обозначающей свое присутствие указателями, табличками [3, с. 24]. Эти проявления прошлого, которые М. Оже именует “цитатами”, позволяют индивиду оставаться анонимным.

Мишель де Серто обнаруживает такое свойство “не-места”, как транзитная природа, которая проявляется в принципиальной неопределенности направления маршрута из “не-места” [12]. “Не-место” лишено аутентичности и целиком зависит от иных ориентиров (точки прибытия). О транзитной природе там “не-места” свидетельствует и опыт нахождения, который определяется временем, затраченным на их преодоление.

Обращение к постструктуралистской методологии позволяет нам рассматривать социальный мир как текст, а позицию “не-места” — как “пустой знак” [6]. Возникает новая интерпретация “не-места” как принципиально открытого поля, определяемого бесконечным множеством векторов распространения, направлений движения. Значимость объекта существует лишь в опреде-

БЫТЬ ИЛИ МОЖЕТ БЫТЬ?

ленной ограниченной культурной традиции, и она растворяется во множестве вариантов интерпретаций в пространстве постмодерна.

Пересечение сходящихся и расходящихся потоков, контр- и ко-мобильностей, бесконечность трактовок рассеивают объектность “не-места” как качественной определенности. Это “не-место”, являясь точкой утраты идентичности и любой определенности, детерминированности, не имеет онтологического и социального гаранта принадлежности к той или иной форме проявления бытия, обладая лишь потенцией к воплощению множества сценариев процессуальности.

В “не-месте” субъект становится деперсонифицированным инструментом манифестации культурных смыслов языка, а само “не-место” не обладает стабильностью смысловой наполненности. Оно произвольно к своему наименованию, не имея с ним жестко детерминированной связи. В “не-месте” присутствует открытая возможность помыслить его через соприсутствие в акте скольжения.

Позиция “не-места” уводит нас от регламентированного топоса, но не приводит никуда, предлагая порвать с иллюзией референции имени и места. В новом социальном пространстве “не-место” — гарант ухода от парадигмы гипотетической упорядоченности и кратковременного смысла к ситуации конструирования, коллажирования, многовариантности смысловых наполнений и будущих сценариев. “Не-место” — точка утраты константы значения субъектов и объектов и зарождение потенции к процессуальности (обретение второй номадической скорости по А.К. Секацкому) [11].

“Не-место” не картографируется, но переносится с ментальной кальки носителя (экс-субъекта) на поле пустот и заполненностей социальной ризомы, создавая “видимости” [7]. Объективное онтоприсутствие заменяется в “не-месте” программной субъективностью коннотативного значения, применяемой для интерпретации происходящего. Таким образом, “не-место” не обладает реалистичным свойством, зафиксированным в пространстве. Оно не выступает референтом выражения топологической функции. “Не-место” не обнаруживают, а калькируют для упразднения системы символического, которая еще способна привязывать к идентичности, смыслу, детерминированности. И если сегодня количество “не-мест” является незначительным на социальной карте города, то в перспективе наступившего постмодерна осуществится колонизация социального топоса “не-местами”. Освободив мир реального от необходимости гарантировать акт бытия, перенеся его в поле языковой процессуальности, постмодерн произведет воплощение номадизма в единственный способ социального (и предметного) существования.

В социальном пространстве дыра выступает открытостью, ведущей в “не-место”. Она есть точка возникновения прину-

длительного замедления в результате “стремления к скоростям”, в которой создается необходимость выбора дальнейшей стратегии поведения — погружение в “не-место” и подчинение номадическому скольжению или отклонение от этого погружения [13]. К таким дырам относятся станция метро, ожидание загрузки сайта, пребывание в кабине лифта, таможенный досмотр, любые точки, выступающие “залом транзитного ожидания”. Дыра требует заполнения образовавшейся пустоты смысла действиями по преодолению высвободившегося времени, которое становится пустым, несобытийным, что приводит к симулятивной деятельности. Это приводит к возникновению ризомных гибридных соединений (с телефоном, кроссвордом, плеером, книгой). “Не-место” выступает каналом перераспределения потоков, в котором происходит рассеивание целенаправленной деятельности, утрата ее осмысленности, погружение в событийность, в движение.

А. Шляков
Рефлексия
“не-места”
в топологии
социального
пространства

Литература

1. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер. 2008.
2. Брайдотти Р. Путем номадизма // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия. ЦХГИ. СПб.: Алетейя, 2001. С. 136—163.
3. Гурьянов И.Г. Городская память как метафора и как область исследований // Артикульт. 2015. № 17(1). С. 13—26.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. М.: Астрель, 2010.
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. М.: У-Фактория, 2007.
6. Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. / под ред. В. Лапицкого. СПб.: Академический проект, 2000.
7. Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос. 2000. № 4. С. 63—77.
8. Жижек С. Чума фантазий. М.: Гуманитарный центр, 2014.
9. Лефевр А. Производство пространства. М.: Стрелка, 2015.
10. Оже М. От города воображаемого к городу-фикции // Художественный журнал. 1999. № 24. [Электронный ресурс] <http://davaiknam.ru/text/mark-oje-ot-goroda-voobrazaemogo-k-gorodu-fikcii-hudojestvenni> (дата обращения: 23.11.2015).
11. Секацкий А.К. Книга номада // Три шага в сторону. СПб.: Амфора, 2000.
12. Серто М. де. По городу пешком // Communitas. 2005. № 2. С. 80—87.
13. Филиппов А.Ф. Парадоксальная мобильность // Отечественные записки. 2012. Т. 50. № 5. С. 8—23.
14. Benhabib S. Situating the Self. Cambridge: Polity Press, 1992.